

Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова М.Е.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Целью поискового исследования, выполненного в логике идей структурного подхода теории социальных представлений, было выявление и анализ социальных представлений российской молодежи о подчинении и неподчинении. Выборку составили студенты гуманитарных факультетов вузов г. Москвы (N=189 человек в возрасте 18—25 лет, 17% мужчин, M возраста=20,77 лет, SD возраста =1,79 года). Прототипический анализ данных, по П. Вержесу, позволил выявить структуру представлений о подчинении и неподчинении. Полученные результаты позволяют прийти к заключению, что центральным элементом социального представления молодежи о подчинении выступает власть. Подчинение и неподчинение по-разному окрашены в понимании студентов: подчинение воспринимается нейтрально, неподчинение имеет различную валентность, с преобладанием негативной окраски. Результаты исследования соотносятся с выводами классического эксперимента С. Милграма и с данными, полученными в современных исследованиях на примерах итальянских, австрийских и американских студентов. Показаны культурные и национальные особенности социальных представлений о подчинении—неподчинении у российской и западной студенческой молодежи.

Ключевые слова: подчинение, неподчинение, власть, теория социальных представлений, структурный подход, студенческая молодежь.

Для цитаты: Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76—92. DOI:10.17759/psylaw.2020100406

Obedience and Disobedience in the Understanding of Russian Students: An Exploratory Study

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

The aim of the presented exploratory study was to reveal the social representations of obedience and disobedience among Russian students (N=189, aged from 18 to 25). Following the ideas of the social representations theory, mainly of the structural approach it was shown that the representations of obedience was crystallised around the elements related to power. Obedience and disobedience are composed with the element of different connotation, namely: the representation of obedience was composed by the elements evaluated neutrally, the representation of disobedience was composed by the elements predominantly with negative valence. The obtained results are discussed in line with the ideas of the theory of social representations, the comparison with results obtained in other cultures are made.

Keywords: obedience, disobedience, power, theory of social representations, structural approach, students.

For citation: Bovina I.B., Sachkova M.E. Obedience and Disobedience in the Understanding of Russian Students: An Exploratory Study. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 76—92. DOI:10.17759/psylaw.2020100406 (In Russ.).

Памяти Ж.-Л. Бовуа (8 сентября 2020 года не стало Ж.-Л. Бовуа; одному автору посчастливилось познакомиться с Жан-Леоном в ходе аспирантской конференции в 2000 году, поражала глубина его мысли, живость интереса не только к социальной психологии, но и к нам, ее молодым исследователям).

Введение

Интерес к проблеме подчинения и неподчинения в социальной психологии имеет долгую историю, начиная с исследований С. Милграма [3; 4]. Результаты его многочисленных экспериментальных серий [3; 4] не только получили чрезвычайно широкую известность в рамках психологического знания, но привлекли внимание представителей социальных наук в целом. Наряду с попыткой осмысления результатов, возникла линия резкой критики, которая

сопровождалась широкой дискуссией об этических принципах в научном исследовании [7; 8; 16]. В частности, Д. Баумринд, критикуя эксперимент Милграма за нарушение этических принципов, вменяет ученому в вину в том числе и то, что с субъективной точки зрения в долгосрочной перспективе испытуемому был нанесен серьезный ущерб, ибо экспериментальная процедура вела к «... потере достоинства, снижению самооценки и потере веры в рациональность власти» [3, р. 423]. Хотя Милграм вовсе не создал явление подчинения в лабораторных условиях, а обратился к научному анализу того, что в недавнем прошлом имело самые драматические последствия для человечества в целом. Эксперименты имели самые непосредственные последствия для самого автора, как отмечает Т. Ле Тексье, С. Милграм поплатился за этот эксперимент и уже до конца своей жизни работал в менее престижных университетах [17].

Различаются две стартовые точки эксперимента: 1) попытка обратиться к событиям Шоа и понять с психологической точки зрения ту легкость, с которой в нацистской Германии был реализован план по «окончательному решению еврейской проблемы»; 2) заинтересованность результатами экспериментов С. Аша, которые С. Милграм хотел воспроизвести в более значимом контексте, нежели просто решение перцептивной задачи [3; 4].

Многочисленные попытки воспроизведения экспериментальной схемы С. Милграма демонстрировали все ту же закономерность подчинения испытуемого [3; 7; 8; 9]. К результатам С. Милграма апеллировали и для объяснения реальных событий: будь то массовое убийство мирных жителей американскими солдатами в Сонгми в 1968 г. во время войны во Вьетнаме или массовое самоубийство, совершенное представителями религиозной секты «Храм народов» по приказу ее основателя Д. Джонса в 1978 г., и для понимания противоположной линии поведения, например, когда во французской деревне Ле Шамбон жители противостояли приказам правительства Виши, спасая евреев [27].

Современные исследователи пытаются воспроизвести экспериментальную схему С. Милграма. Одна из примечательных попыток недавнего времени принадлежит Ж.-Л. Бовуа с коллегами [8]. В его исследовании легитимная власть науки (что соответствовало ситуации 60-х гг.) была заменена на легитимную власть телевидения (что в той или иной степени отражает актуальную ситуацию); сама экспериментальная парадигма С. Милграма представлена в виде телевизионной игры, где ведущий является агентом власти телевидения [8]. Сравнение классической и новой экспериментальных парадигм по 15 ключевым параметрам показало, что смена источника легитимной власти не изменила саму экспериментальную схему и позволяет считать эксперимент Бовуа воспроизведением эксперимента С. Милграма. Выборка была подобрана по тем же критериям, что и в работе Милграма (в классическом эксперименте было 40 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, представители различных профессий; у Бовуа возраст испытуемых составил от 25 до 55 лет), Бовуа добавил 36 женщин, отобранных по тем же критериям, что и мужчины. Вместо диапазона от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт Бовуа использовал шкалу от 20 до 460 вольт с шагом в 20 вольт. К четырем имеющимся у Милграма уровням инструкции: 1) «Пожалуйста, продолжайте» (или «Пожалуйста, дальше»); 2) «Условия эксперимента требуют, чтобы вы продолжали»; 3) «Чрезвычайно важно, чтобы вы продолжали»; 4) «У вас нет другого выбора, вы должны продолжать» [4], — Бовуа добавил пятый уровень: «Мы несем ответственность за последствия» [8]. По сравнению с результатами, полученными в

воспроизводимой серии С. Милграма (62,5%), в эксперименте Ж.-Л. Бовуа подчинение было в 81% случаев; при этом разница между испытуемыми по социально-демографическим критериям (будь то возраст, пол, профессия) отсутствовала [8].

С другой стороны, можно упомянуть серию работ, принадлежащих перу А. Хаслама и С. Рейчера, в которых авторы подвергли сомнению тот факт, что в экспериментах С. Милграма действительно изучается подчинение [16], аргументируя свою позицию тем, что приказ содержался только в четвертом уровне инструкции, а в остальных его нет. Хотя Милграм уделяет самое серьезное внимание определению понятий, говоря, что: «Мы говорим, что Y подчиняется X, если он выполняет указание X» [4, с.140], между X и Y имеют место отношения иерархии. По сути, именно то, что и происходило в экспериментах Милграма и Бовуа [3; 4; 8]. Кроме того, Милграм разграничивает понятия «подчинение», «сотрудничество» и «конформность» [4]. В первом случае речь идет о разделении общих целей, во втором, как отмечает Милграм, предполагается, что человек соглашается с суждениями других или повторяет их действия, «... при отсутствии ярко выраженных требований с их стороны» [4, с. 140]; к тому же в ситуации эксперимента испытуемый оказывался под влиянием двух «взаимоисключающих воздействий возникшего социального поля» [4, с. 140]; т. е. речь идет о двух источниках социального влияния — экспериментаторе и ученике. При этом представляется возможным говорить о некоторой иерархии — экспериментатор обладает определенным статусом, чего нельзя сказать об ученике. И апелляция к идее социальной идентичности как объяснительному механизму происходящего не противоречит определению подчинения, данному С. Милграмом, а лишь указывает на то, как именно происходит это подчинение.

Теория социальных представлений как рамка анализа проблемы подчинения и неподчинения

Исследование проблемы подчинения—неподчинения едва ли предпринималось через призму идеи социального мышления (в литературе мы обнаружили единичные работы [13; 25; 26], хотя теория социальных представлений (СП) обладает серьезным потенциалом для этого). Объясним применимость идей этой теории. По одному из многочисленных определений, СП — это «... системы ценностей, идей и практик с двоякой функцией... во-первых, установить порядок, который позволит индивидам ориентироваться в своем материальном и социальном мирах и овладеть ими; во-вторых, обеспечить коммуникацию между членами сообщества, снабдив их кодом для социального обмена и кодом для присвоения имен и классификации различных аспектов их мира и их индивидуальной и групповой истории» [21, р. xiii]. СП вырабатываются в повседневной коммуникации, в ней они структурируются и трансформируются. Их предназначение заключается в том, чтобы объяснить новые и пугающие объекты, события, явления, поместив их в существующую, понятную индивиду систему координат. Это одна из важнейших функций СП, наряду с которой СП служат для конструирования и поддержания социальной идентичности, а также для регулирования поведения и оправдания социальных отношений [6; 11; 12; 22; 24]. В трудах С. Московиси можно выделить две идеи, касающиеся структуры СП. Согласно одной, СП организовано вдоль трех измерений, а именно: 1) информации, 2) поля представлений, 3)

аттитюдов [18]. Вторая идея касается фигуративного ядра, это набор изображений, визуализирующих набор идей [23]. Фигуративное ядро — своего рода эмбрион СП, обеспечивающий индивида языком, посредством которого организуется знание об объекте СП [18; 23]. Именно к идее фигуративного ядра восходит структурный подход, в рамках которого и выполнено предлагаемое здесь исследование. В соответствии с этим подходом СП является набором убеждений, которые организованы в виде ядра и периферии [6; 18; 19]. Ядро СП является стабильной и устойчивой частью [6; 18]. Анализ исследований позволяет говорить о том, что ядро образовано незначительным количеством элементов [14; 18]. Эти элементы в наибольшей степени коренятся в культуре. Ядро выполняет ряд функций: смыслообразования, организации и стабилизации СП [18]. Стабильность ядра СП достигается в результате процесса объективации. Ядро кристаллизуется в ценностной системе, разделенной членами группы, и поддерживается за счет коллективной памяти.

Периферическая система СП конкретизирует значение ядра, является связующим звеном между ядром и той конкретной ситуацией, в которой выработано и действует СП. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью, она образована значительным количеством элементов [18]. За счет вариативности и изменчивости периферия позволяет СП адаптироваться к изменяющемуся контексту. Периферия является «защитной системой» не только ядра СП, но и всего СП, так как изменение ядра оборачивается изменением СП. Идея структуры СП открывает путь к сравнению СП. Таким образом, потенциал теории СП заключается в том, что позволяет проанализировать то, как человек выстраивает понимание явлений подчинения и неподчинения, а также как эта конструкция регулирует его поведение и оправдывает социальные отношения. Очевидно, что в повседневной жизни человек сталкивается с подчинением и неподчинением в самых многообразных контекстах. С. Милграм отмечает [4], что понятие подчинения указывает на самые различные ситуации и мотивы подчинения: от взаимодействия в семье (ребенок—родители) до взаимодействия в армии (рядовой—офицеры). Однако речь всегда идет об одной и той же конфигурации: Y подчиняется X, если они находятся в отношениях субординации, и Y выполняет указания X [4].

В рамках теории СП была реализована серия исследований, позволивших говорить о специфике СП студенческой молодежи о подчинении и неподчинении в разных культурах [13; 25; 26]. Для выявления структуры СП использовалась методика направленных ассоциаций (предлагалось дать ответы существительными и прилагательными, которые анализировались отдельно) с последующим прототипическим анализом данных по П. Вержесу [28]. Остановимся кратко на рассмотрении результатов, что послужит отправной точкой для формулирования общих предположений нашего исследования и позволит понять последующие результаты. В исследовании, реализованном на выборке итальянской студенческой молодежи (190 человек, 27,9% женщин, M возраста=23,75 года, SD возраста=3,67 года), было показано, что подчинение связывается с соблюдением имплицитных (социальных, семейных) и эксплицитных (формальных требований, законов) правил. Субъектами влияния являются конкретные персонажи (авторитетная личность) или социальные институты, а составляющие СП имеют положительную и отрицательную коннотацию. Подчинение понимается как способ адаптации к нормам социального бытия, оно нужно для того, чтобы принадлежать к определенной социальной группе. Подчинение,

которое сопровождает человека с детства, материализуется в ядре СП в виде категории *родители*. Зона ядра СП о подчинении включает также элементы: *законы, уважение, авторитет*. В зоне контрастирующих элементов — *общество, страна, семья, иерархия, дисциплина, образование, работа*. Первая периферическая система включает: *послушание, обязанности, власть*. Вторая периферическая система состоит из элементов: *приказ-команда, наказание, религия, социальный порядок, мэтр*. Неподчинение содержательно связано с не уважением правил и социальных норм. Понятия *законы, восстания, авторитет, общество, протест, свобода, отвержение* образуют зону ядра СП о неподчинении. Позиция меньшинства (зона контраста) включает *уважение, молодые люди, поведение, дети*. Первая периферическая система включает: *наказание, родители*. Вторая периферическая система объединяет ассоциации: *приказ, девиация, семья, навязывание, грубость, отказ*.

СП о подчинении и неподчинении комплементарны, они связаны с властью и похожи по составу: *авторитет* и *законы* находятся в зоне ядра СП. В СП итальянской молодежи подчинение — это уважение норм и законов, данных институциональной властью, и выполнение приказов, данных властью человека; неподчинение — неуважение законов и правил, навязанных авторитетом или социальной группой. В понимании испытуемых особенностью неподчинения является то, что оно совершается осознанно: человек признает незаконность просьбы или несправедливость правила в конкретной ситуации и сознательно протестует.

В другом исследовании, реализованном Ф. Фаттори с соавторами [13] на выборке студентов Венского университета (154 человека, 68,8% женщин, М возраста=22,9года, SD возраста=3,5года). Подчинение ассоциируется с соответствием правилам, безоговорочным принятием законов. В зоне ядра СП оказались элементы: *авторитет, регулирование, власть*. В зоне контраста находим ассоциации: *приказ, законы, принуждение, дисциплина, уважение, воля*. Первая периферическая система образована элементом *воспитание*. Вторая периферическая система включает следующие понятия: *подавление, последствия, военный, наказание, субординация, насилие, внедрение*. Авторитет австрийскими студентами понимается сходным образом, что и итальянскими студентами: в первую очередь его олицетворяют родители, затем социальные нормы и правила. Исследователи делают вывод, что родители играют решающую роль в развитии способности подчиняться и воспроизводить необходимые социальные формы совместной жизни, адаптацию к авторитетам, что является необходимым условием для общественного порядка. При этом подчинение также не является положительным или отрицательным явлением. Неподчинение рассматривается в качестве несоответствия правилам или авторитетам. В зону ядра СП попали элементы: *регуляция, восстание*, контрастирующие элементы: *злоба и нарушение правил*; первая периферическая система объединяет: *воспитание, сопротивление, наказание, индивидуальность*. Наконец, вторая периферическая система включает элементы: *упрямство, свобода, авторитет, политика, смелость, подчинение*. Восстание против несправедливых правил требует мужества и рефлексивных навыков, поэтому данное понятие может иметь как негативную коннотацию, когда неуважение других осуществляется ради собственной выгоды, так и позитивную, когда речь идет о восстании ради важных социальных изменений. Если подчинение может быть слепым, без размышления об адекватности требований власти, то неподчинение всегда сознательно и рефлексивно.

Еще одно исследование СП о подчинении и неподчинении М. Поцци с соавторами было реализовано в США (151 человек, 52,3% женщин, М возраста=22,7 года, SD возраста =1,3 года), что позволило сравнить результаты, полученные на итальянской и американской выборках [26]. Зона ядра СП о подчинении образована элементами: *семья, правила, уважение, дети, религия*. В зоне контраста (позиция меньшинства): *последователь, лояльность, работа, полиция*. В первую периферическую систему попали составляющие: *школа, животные, армия*. Вторая периферическая система включала элементы: *превосходящий, соответствие, закон, конформность, внимание, социальный порядок*. В зоне ядра СП о неподчинении: *тюрьма, неуважение, преступник*, — все они имеют негативную коннотацию. В зону контраста вошли: *игнорирование, школа, невыполнение, непокорность, подросток, наказание, закон*. Первая периферическая система СП образована элементами: *дети, животные, негативность, восстание*. Наконец, вторая периферическая система объединяет элементы: *правило, нарушение субординации, тайм-аут, хулиганы*. Неподчинение авторы объясняют «концепцией неудачи» — человек, который не учится у семьи правильно вести себя в отношениях с авторитетом, будет в будущем испытывать больше трудностей с повиновением. «Непослушный» становится синонимичным понятию «необразованный» (невежественный, упрямый), он не уважает других и не знает, как себя вести. Неподчинение — преднамеренное действие, т. е. это не неудача, а запланированный акт. Люди, которые не могут принять приказ, испытывают когнитивный диссонанс, и неповиновение связано со стремлением его уменьшить. Американские студенты относятся к неподчинению как к антиобщественному поведению, опасному для окружающих.

Если у итальянцев подчинение понимается через апелляцию к нормам: приказы начальства, кодекс, закон, то американцы представляют его либо в связи с лояльностью и личным уважением, либо как вызывающее страх наказания. В отличие от итальянцев американцы трактуют подчинение преимущественно как положительное явление. В СП о неподчинении у них попало больше элементов, т. е. ядро менее согласованное. Кроме того, у них ярко проявилась тема наказания как следствия неподчинения. У итальянцев неподчинение ассоциируется чаще с гражданским неповиновением, у американцев — с отсутствием личного уважения/неуважения или в качестве выбора «неудачного поведения» (неумения быть послушным). Другими словами, в социальном мышлении о подчинении и неподчинении затрагивается самый различный контекст: индивидуальный, институциональный и социальный, — в СП присутствуют указания на различные властные фигуры, объективизирующие власть. Обращает на себя внимание специфика СП, связанная с принадлежностью к той или иной культуре. Ограничение для непосредственного сравнения результатов можно усмотреть в некоторых различиях выборки, а именно в пропорции мужчин и женщин, участвующих в каждом исследовании.

Программа исследования

Итак, теория СП обладает серьезным потенциалом для анализа проблемы подчинения и неподчинения, ибо позволяет выявить и проанализировать специфику понимания подчинения и неподчинения в повседневной жизни, что так или иначе ведет к пониманию соответствующего отношения и действий, направленных на других в социальном контексте.

Очевидно, что вариативность трактовки подчинения и неподчинения в выборках студенческой молодежи, принадлежащей к различным культурам, отражает специфику СП, обусловленных культурой [13; 25; 26], и позволяет ожидать, что в российской выборке будут выявлены различия в структуре СП о подчинении и неподчинении. Тем более что ядро, выполняющее ключевые функции в структуре самого СП (смыслообразование, организация и стабилизация СП [18]) опирается на ценностную систему, разделенную членами группы, и поддерживается за счет коллективной памяти.

Целью нашего исследования был анализ СП о подчинении и неподчинении в молодежной среде. *Объектом исследования* явилась студенческая молодежь, выборку составили студенты гуманитарных факультетов ряда Московских вузов в возрасте от 18 до 25 лет (N=189, 17% мужчин, M возраста=20,77 лет, SD возраста =1,79 года), основной деятельностью для респондентов была учебная (58,2%), однако у 41,8% респондентов имелся опыт работы (в самых различных сферах), которая являлась второстепенной по сравнению с вовлеченностью в процесс получения высшего образования. В целом, выборка в настоящем исследовании сопоставима с оными в исследованиях Поцци с коллегами [13;25;26]. *Предмет исследования* — особенности СП о подчинении и неподчинении.

Принимая во внимание результаты, полученные Поцци с коллегами в серии работ [13; 25; 26], в нашем исследовании мы исходили из следующих достаточно общих предположений (несмотря на то, что статус нашего исследования, поискового, позволяет нам не выдвигать предположений): 1) СП о подчинении и неподчинении кристаллизуются вокруг элементов, связанных с властью в различных контекстах (индивидуальном, институциональном и социальном); 2) ключевые элементы СП о подчинении и неподчинении имеют преимущественно негативную коннотацию. Основным *методом* исследования был опрос в варианте анкеты. В соответствии с теорией, для выявления структуры СП использовалась методика свободных ассоциаций. Участникам было предложено высказать пять ассоциаций с двумя словами-стимулами *подчинение* и *неподчинение*, каждую ассоциацию предлагалось оценить по шкале от -3 до +3, что позволяло определить валентность элементов СП в соответствии с идеей А.С. де Розы [10; 15]. Если в работах итальянских исследователей такая процедура отсутствовала [13; 25; 26], то можно вспомнить, что респондентов просили дать специфические ассоциации прилагательными, что косвенным образом позволяло говорить об оценочных коннотациях элементов СП. Наконец, респондентам было предложено ответить на ряд социально-демографических вопросов (пол, возраст, уровень образования, опыт работы). Отметим особо, что в нашей работе мы принимали во внимание результаты, полученные итальянскими коллегами в трех исследованиях, однако отдали предпочтение отличающемуся методическому инструментарию, что позволило нам получить свободные ассоциации, выраженные различными частями речи, а для измерения коннотации понятий использовали шкалу (как сказано выше), фиксируя ответы самих респондентов, а не оценки, которые нужно было получить от независимых экспертов.

Результаты исследования и их интерпретация

В соответствии с логикой структурного подхода [18;19] полученные ассоциации были подвергнуты прототипическому анализу в программе Iramuteq [20]. В результате была

выявлена структура каждого СП (табл. 1)

Таблица 1

Структура СП о подчинении и неподчинении

Объект СП	Понятие (частота, ранг, валентность)			
	Зона ядра	Контрастирующие элементы	Первая периферическая система	Вторая периферическая система
Подчинение (20,2; 2,59)*	Начальник (51; 2,3; 0,7)**. Власть (48;2,0;0,5). Доминирование (29; 1,9; -0,1). Послушание (27;2,3; -0,2) .	Управление (16; 2,4; 1,1). Унижение (15;2,1; -2,9). Порядок (13; 2,3; -0,4). Отсутствие свободы (12; 2,4; -2,2)	Работа (36; 2,7; 1,4). Рабство (27;2,9; -2,9). Зависимость (22; 2,6; -2,0). Долг (22; 3,5; 1,0).	Исполнение (20; 3,7; 1,2). Иерархия (10; 2,9; 1,9). Сила (10; 3,0; 1,3). Закон (10;2,9; 1,7). Насилие (9; 3,3; -3,0). Принуждать (9;3,6; -1,2). Ответственность (9;3,6;1,9). Подавление (9;3;-1,9).
Неподчинение (17,09; 2,63)	Свобода (45; 2,0; 1,9). Непослушание (32; 1,9; -1,3) Бунт (31; 1,9; -1,1). Нарушение правил/закона (29; 2,6; -1,8). воля (20; 2,6; 1,7).	Напористость (11; 2,5;-1,0). Неуважение (10; 2,2; -1,0). Безответственность (9;2,3;-2,4). Сопrotивление (9; 2,6; 1,6).	Наказание (31; 2,9;-1,6). Собственное мнение (22; 3,1; 2,1). Своеволие (20; 2,8; 0).	Независимость (17; 2,8; 2,1). Конфликт (13; 3,4; -0,8). Увольнение (11; 2,9; -1,6). Протест (10; 2,8; -0,7). Отказ (10; 3,3; -1,3). Индивидуальность (10; 3; 2,1). Начальник (9, 2,9; 0). Стойкость (9; 2,9; -0,1). Власть (9; 2,7; 0,4). Девияция (9; 3,2; -1,6).

Примечание:

«*» — в скобках указаны средние значения по частоте встречаемости понятия, рангу появления ассоциации для каждого объекта СП. В соответствии с теорией СП и логикой прототипического анализа, показатели по частоте и рангу понятия позволяют различать четыре соответствующие зоны в структуре СП (14; 20;28). Валентность — указывает на негативную, нейтральную или позитивную коннотацию элемента [15].

«**» — в скобках указаны частота встречаемости, средний ранг появления и среднее значение для валентности каждого понятия. Негативная валентность соответствует промежутку от -3 до -1, нейтральная валентность соответствует промежутку от -1 до +1, позитивная валентность соответствует промежутку от +1 до +3.

В результате предпринятого анализа ассоциаций было выявлено, что ключевыми элементами, вокруг которых кристаллизуется СП о подчинении, являются: *начальник, власть, доминирование, послушание* (см. табл. 1). При этом мы видим, что подчинение, прежде всего, связывается с фигурой носителя власти, объективизируется в ней. В СП можно усмотреть своего рода дихотомию иерархических отношений, заключающуюся в «доминировании—подчинении». В то же самое время, *послушание*, скорее всего, является синонимом объекта СП (подчинения). На что указывает С. Милграм, говоря, что такие слова, как *подчинение, послушание, покорность и повиновение* — синонимичны, указывают на одно и то же явление [4]. Если исходить из идеи, что в зоне контрастирующих элементов содержится позиция меньшинства, противостоящая позиции большинства, то стоит указать на то, что она образована своего рода оппозицией: с одной стороны, указание на иерархию и власть — *управление, порядок*, с другой стороны — цену подчинения: *унижение и отсутствие свободы*.

Элементы периферии в целом включают в себя две различающиеся по содержанию и направленности категории — «социальные обязанности» (*работа, долг, исполнение, закон*) и «ограничение свободы и принуждение» (*рабство, зависимость, насилие, подавление, принуждать*). В элементе *рабство*, принадлежащем первой периферической системе, объединяющей элементы, которые разделяются значительным числом респондентов (сопоставимым с зоной ядра СП), но являются вторичными по своему значению по сравнению с ядром, можно усмотреть аллюзии с исторической реальностью (будь то рабство в прямом смысле слова или крепостное право), указание на абсолютность подчинения, отсутствие каких-либо степеней свободы. Обращает на себя внимание тот факт, что зона ядра образована элементами, которые, с точки зрения респондентов, имеют нейтральную валентность (варьируют в промежутке от -1 до +1). Позиция меньшинства представлена элементами, имеющими позитивную, нейтральную и негативную валентность (с преобладанием последней).

СП о неподчинении (табл. 1) выражено такими ключевыми элементами, как *свобода, непослушание, бунт, нарушение закона, воля*. Все перечисленные элементы находятся в едином семантическом пространстве и так или иначе связаны с возможностью проявлять собственное мнение или поведение без ограничений. Отметим особо, что элемент *бунт*, имеющий самый низкий ранг наряду с непослушанием (синонимом объекта СП) и достаточно высокую частотность (см. табл. 1) указывает на специфику этого неподчинения

(по аналогии с Пушкинским — бунт, «бессмысленный и беспощадный»). Любопытно, что большая часть этих элементов обладает негативной валентностью, другая (меньшая) — позитивной (сюда как раз попадает высокочастотное понятие *свобода*). Зона контраста включает в себе как высокую степень активности (*напористость, сопротивление*), так и пренебрежение к установленным нормам (*неуважение, безответственность*). Позиция меньшинства содержит элементы, имеющие преимущественно негативную коннотацию.

Обращает на себя внимание тот факт, что в периферической системе понятия перекликаются с элементами зоны ядра СП о подчинении (*начальник, власть*), а также включают, как и контрастирующая зона, активное сопротивление требованиям и навязыванию позиции (*независимость, протест, отказ, индивидуальность, стойкость*) и негативные последствия отклонения (*конфликт, увольнение, девиация*).

Если сопоставить эти результаты с теми, что были получены итальянскими коллегами на выборах в различных культурах, то можно заметить следующее: зоны ядра СП о подчинении имеют достаточно серьезные различия. Один элемент совпал с австрийской выборкой (*власть*), являющийся ключевым в целом для всего СП. Еще один элемент *авторитет* сопоставим с ассоциацией *начальник*, который может выступать для российских студентов носителем такого авторитета. Данное соотношение справедливо и в связи с тем, что итальянские исследователи объединили в одно понятие *авторитет* также ассоциации, связанные с руководителем и лидером. Единственное, обратим внимание на то, что авторитет зачастую связан с неформальным влиянием, а в образе начальника на первый план выходит официальная власть. Таким образом, речь здесь может идти, используя терминологию М.Ю. Кондратьева, не о «власти авторитета», а об «авторитете власти», т. е. подчинение происходит только из-за того, что начальник обладает легальными полномочиями доминировать и приказывать [2]. Если в европейском и американском примере в зоне ядра и СП меньшинства значимыми элементами выступают *правила* и *законы*, то в нашем случае эти элементы располагаются в периферической системе и играют второстепенную роль. Полученные факты хорошо объяснимы в логике культурологических особенностей и, на наш взгляд, обусловлены спецификой национального характера. В России власть всегда имела ярко выраженный личный характер, образы лидеров (начальников) выступали приоритетными перед институтами власти: «самобытный тип мышления, эмоционально-чувственное отношение к миру, приверженность патриархально-общественным ценностям обусловили тяготение... к сакрализованному отношению к власти как к источнику истины, слитность права и морали, абсолютный авторитет власти» [5, с. 210]. Если в западном характере закрепилось стремление к приоритету права и закона, то в русском право перерастает в мораль, на первое место выходят не юридические, а морально-этические нормы.

Интересным, на наш взгляд, является и то, что такой важный элемент как «родители» — носители авторитетной власти отсутствует в СП россиян о подчинении. Этот факт требует, несомненно, дополнительного исследования и объяснения в рамках культурологической парадигмы, ибо пока не представляется возможным понять, является ли данный факт следствием дефрагментации современного общества, где привычные категории теряют свою значимость. Различия были также обнаружены в валентности СП. Так, имеет место разница коннотации, которую можно приписать ключевым элементам СП о подчинении. Если у

итальянских и австрийских студентов элементы в зоне ядра СП окрашены в целом положительно, еще более позитивны они у американских респондентов, то в нашем исследовании все ядерные понятия были оценены респондентами нейтрально. Подчинение, таким образом, не вызывает эмоционального отклика у россиян и, возможно, понимается, скорее, как неизбежная данность.

Общими элементами в ядрах СП о неподчинении у россиян и европейцев стали *бунт* (*восстание*), нарушение правил/законов и свобода (последнее с итальянцами). Понятие «свобода» в русском языке обладает отличающимся содержанием, чем *freedom* в английском, как отмечает А. Вежбицкая, что отражает «иной взгляд на человеческую жизнь» [1, с. 233], предлагая культурно-специфическое толкование свободы, включающее целый набор аспектов: «... некто (X) может думать нечто вроде этого; если я хочу что-то сделать, я могу сделать это; когда я нечто делаю, я могу не думать (что сделают или скажут другие); из-за этого X чувствует нечто хорошее» [1, с. 237]. При этом с американскими студентами нет схожих ядерных понятий.

Мы можем сделать вывод о большей близости СП о неподчинении, как связанном с активными и, скорее всего, сознательными действиями, направленными против установленных норм социальных институтов или авторитетов. Представляется возможным предполагать сходство коннотаций элементов: ассоциации имеют как положительную (у элементов, связанных с отсутствием ограничений), так и отрицательную валентность (связанных с нарушениями). В отличие от этого ассоциации американских студентов, связанные с неподчинением, все имеют ярко выраженный негативный характер и подразумевают всегда тяжелые последствия для нарушителя. Для российских респондентов же в неподчинении более значимым выступает активная позиция субъекта, чем угроза наказания за отклоняющееся поведение. Любопытно и то, что в результатах, полученных на итальянских и американских респондентах, неподчинение связывается с группой, нарушающей правила и законы. В итальянской выборке речь идет о молодежи и детях (зона контраста, позиция меньшинства), в американской — о подростках (зона контраста, позиция меньшинства). В наших результатах подобных элементов в структуре СП не было обнаружено.

Итак, полученные нами результаты, позволяют сделать следующие **выводы**, относительно исходных предположений.

Гипотеза о кристаллизации СП вокруг феномена власти получает частичную эмпирическую поддержку, ибо власть, объективированная в фигуре начальника, актуализируется в СП о подчинении, контекст этой власти представлен преимущественно сферой личностного влияния и профессиональных отношений. Другие контексты (семейный и социальный в более широком смысле), как можно было бы ожидать, апеллируя к результатам, полученным в исследованиях итальянских коллег на трех различных выборках (итальянской, австрийской и американской), не проявляются так ярко в СП, так как хоть и входят в содержание представлений, но не попадают в зону ядра. В СП о неподчинении ключевыми элементами являются указания на последствия неподчинения, а также апелляции к нарушению правил.

Гипотеза о выраженной негативной валентности ядерных элементов также получила частичную эмпирическую поддержку, это касается СП о неподчинении. Элементы ядра СП о

подчинении имеют нейтральную коннотацию.

Заключение

Систематическое изучение проблемы подчинения и неподчинения началось с экспериментальных работ С. Милграма, реализованных в Йельском университете в 1961 [3; 4]. Почти полвека спустя с момента начала экспериментального изучения феномена подчинения и неподчинения по-прежнему не угасает интерес к анализу этого явления, не прекращаются споры относительно результатов С. Милграма. С одной стороны, предпринимаются все новые и новые попытки воспроизвести эксперимент С. Милграма в классическом варианте или помещая его в новый контекст (как это было в работе Ж.-Л. Бовуа с коллегами [3; 4; 8]). С другой стороны, появляются все новые работы, в которых результаты С. Милграма ставятся под сомнение [9; 16]. Наконец, можно различить третью линию анализа проблемы подчинения и неподчинения через призму идей теории СП, согласно которой представляется возможным выявить и проанализировать специфику понимания подчинения и неподчинения в повседневной жизни, а также обозначить соответствующее отношение и действия, направленные на других в социальном контексте [6; 11; 12; 14; 18; 22]. Изложенное здесь исследование выполнено в логике третьей линии анализа. Его цель заключалась в анализе СП о подчинении и неподчинении в молодежной среде. СП о подчинении кристаллизуется вокруг элементов, обладающих, с точки зрения респондентов, нейтральной валентностью: *начальник, власть, доминирование, (послушание* — синоним объекта СП). СП о неподчинении выстраивается вокруг элементов, имеющих позитивную коннотацию: *свобода и воля,* — а также элементов с негативной коннотацией: *непослушание* (синоним объекта СП), *бунт, нарушение закона.* Сопоставление полученных на российской выборке результатов с таковыми, полученными на примере итальянской, австрийской и американской выборок, позволяет говорить о том, что СП об этих ключевых феноменах процесса социализации — подчинении и неподчинении являются культурно-специфическими, ибо власть для россиян всегда имела ярко выраженный личный характер, образы лидеров (начальников) выступали приоритетными перед институтами власти. Если в западной культуре закрепилось стремление к приоритету права и закона, то в русской право перерастает в мораль, на первое место выходят не юридические, а морально-этические нормы. Именно эти особенности мы и обнаруживаем в СП о подчинении и неподчинении.

К несомненным ограничениям в настоящем исследовании можно отнести преобладание женщин в выборке, что отчасти оправдывается тем, что в исследовании приняли участие студенты гуманитарных факультетов Московских вузов. В последующих исследованиях предполагается преодолеть это ограничение. Обозначая линию дальнейшего анализа, следует констатировать, что расширение выборки за счет респондентов, имеющих опыт работы, а также людей более старшего возраста, позволило бы нам проверить наши предположения, которые пока получили только частичную эмпирическую поддержку. Перспективным, на наш взгляд, может стать исследование СП о подчинении/неподчинении также в связи с учетом этнокультурного, а также регионального компонентов, детерминирующих понимание данного феномена респондентами, проживающими в разных территориальных субъектах России.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры. 2001. 288 с.
2. *Кондратьев М.Ю.* Слагаемые авторитета. М.: Знание. 1988. 80 с.
3. *Милграм С.* Подчинение авторитету. М.: АНФ. 2016. 282 с.
4. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер. 2000. 336 с.
5. *Политическая психология / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева.* М.: Академический Проект. 2001. 858 с.
6. *Abric J.-C.* A structural approach to social representations. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions.* Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42—47.
7. *Baumrind D.* Some thoughts on ethics of research: Afterreading Milgram's "Behavioral Study of Obedience" // *American Psychologist.* 1964. Vol. 19. P. 421—423. DOI:10.1037/h0040128
8. *Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D.* The Prescriptive Power Of The Television Host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show // *European Review of Applied Psychology.* 2012. Vol. 62. P. 111-119.
9. *Burger J.M.* Replicating Milgram: Would People Still Obey Today? // *American Psychologist.* 2009. Vol. 64. P. 1—11.
10. *De Rosa A.S.* Le réseau d'associations comme méthode d'étude dans la recherche sur les RS: structure, contenus polarité du champ sémantique // *Cahiers Internationaux Psychologie Sociale.* 1995. Vol. 28. P. 96-122.
11. *Doise W.* Les Représentations Sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales.* Neuchâtel: Delachaux & Niestlé. 1986. P. 86-98.
12. *Empirical Approaches To Social Representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.).* Oxford: Oxford University Press. 1993. 350 p.
13. *Fattoria F., Curlyb S., Jörchelb A.C., Pozzi M., Mihalitsb D., Alfieria S.* Authority Relationship From a Societal Perspective: Social Representations of Obedience and Disobedience Austrian Young Adults // *Europe's Journal Psychology.* 2015. Vol. 11. P. 197—213. DOI:10.5964/ejop.v11i2.883
14. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des Idées Ordinaires. Paris: Armand Colin. 2003. 256 p.
15. *Galand C., Salès-Wuillemin E.* La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie : effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // *Les Cahiers Internationaux Psychologie Sociale.* 2009. Vol. 84. P. 125-152.
16. *Haslam A.S., Stephen D. R., Birney M.E.* Nothing by mere authority: Evidence that in an experimental analogue of the Milgram paradigm participants are motivated not by orders but by appeals to science // *Journal of Social Issues.* 2014. Vol. 70. P. 473-488.
17. *Le Texier T.* Histoire d'un Mensonge. Enquête sur l'expérience de Stanford. Paris: Editions la Découverte. 2018. 295 p.
18. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *Cambridge Handbooks In Psychology. The Cambridge Handbook Of Social Representations.* Cambridge University Press. 2015. P. 83-95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009

19. Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble. 2015. 139 p.
20. Moliner P., Lo Monaco G. Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 2017. 190 p.
21. Moscovici S. Foreword. In: C. Herzlich (ed.). Health and Illness. A social psychological analysis. London: Academic Press. 1973. P.ix—xiv.
22. Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1961. 652 p.
23. Moscovici S. The Phenomenon of social representations. In: G. Duveen (ed.). *Social Representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press. 2000. P.18-77.
24. Moscovici S. Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 18-61.
25. Pozzi M., Fattori F., Bocchiario P., Alfieri S. Do the right thing! A study on social representation of obedience and disobedience // *New Ideas in Psychology*. 2014. Vol.35. P.18-27. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2014.06.002
26. Pozzi M., Quartiroli A., Alfieri S., Fattori F., Pistoni C. (Dis)Obedience in U.S. American Young Adults: A New Way to Describe Authority Relationships // *Europe's Journal of Psychology*. 2018. Vol. 14. P.404—423. DOI:10.5964/ejop.v14i2.1314
27. Rochat F., Modigliani A. The Ordinary Quality of Resistance: From Milgram's Laboratory to the Village of Le Chambon // *Journal of Social Issues*. 1995. Vol. 51. P. 195-210.
28. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV (405). P. 203—209.

References

1. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 288 p. (In Russ.).
2. Kondrat'yev M.YU. Slagayemyye avtoriteta [Authority terms]. Moscow: Znaniye, 1988. 80 p. (In Russ.).
3. Milgram S. Podchineniye avtoritetu [Submission to authority]. Moscow.: ANF.2016. 282 p. (In Russ.).
4. Milgram S. Eksperiment v sotsial'noy psikhologii [Experiment in social psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2000. 336 p. (In Russ.).
5. Politicheskaya psikhologiya [Political psychology] / pod obshchey red. A.A. Derkacha, V.I. Zhukova, L.G. Lapteva. Moscow: Akademicheskiiy Proyekt, 2001. 858 p. (In Russ.).
6. Abric J.-C. A structural approach to social representations. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. pp. 42-47.
7. Baumrind D. Some thoughts on ethics of research: After reading Milgram's "Behavioral Study of Obedience". *American Psychologist*, 1964. Vol.19, pp.421—423. DOI:10.1037/h0040128
8. Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D. The prescriptive power of the television host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show. *European Review*

of *Applied Psychology*, 2012. Vol. 62, pp.111-119.

9. Burger J.M. Replicating Milgram: Would people still obey today? *American Psychologist*, 2009. Vol.64, pp. 1–11.

10. De Rosa A.S. Le «réseau d'associations» comme méthode d'étude dans la recherche sur les RS: structure, contenus et polarité du champ sémantique. *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 1995. Vol. 28, pp. 96-122.

11. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales*. Neuchâtel: Delachaux & Niestlé, 1986, pp.86-98.

12. Empirical approaches to social representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.

13. Fattoria F., Curlyb S., Jörchelb A.C., Pozzi M., Mihalitsb D., Alfieria S. Authority Relationship From a Societal Perspective: Social Representations of Obedience and Disobedience in Austrian Young Adults. *Europe's Journal of Psychology*, 2015. Vol. 11, pp.197–213. DOI:10.5964/ejop.v11i2.883

14. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.

15. Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 2009. Vol.84, pp.125-152.

16. Haslam A.S., Stephen D. R., Birney M.E. Nothing by mere authority: Evidence that in an experimental analogue of the Milgram paradigm participants are motivated not by orders but by appeals to science. *Journal of Social Issues*, 2014. Vol.70, pp. 473-488.

17. Le Texier T. *Histoire d'un mensonge. Enquête sur l'expérience de Stanford*. Paris: Editions la Découverte, 2018. 295 p.

18. Moliner P., Abric J.-C. Central core theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *Cambridge handbooks in psychology. The Cambridge handbook of social representations*. Cambridge University Press, 2015, pp.83-95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009

19. Moliner P., Guimelli C. *Les représentations sociales*. Grenoble : Presses Universitaire de Grenoble, 2015. 139 p.

21. Moscovici S. Foreword. In: C.Herzlich (ed.). *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. ix—xiv.

22. Moscovici S. La Psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1961, 652 p.

23. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: G.Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press, 2000, pp.18-77.

24. Moscovici S. Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18-61.

25. Pozzi M., Fattori F., Bocchiaro P., Alfieri S. Do the right thing! A study on social representation of obedience and disobedience. *New Ideas in Psychology*, 2014. Vol.35, pp.18-27. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2014.06.002

26. Pozzi M., Quartiroli A., Alfieri S., Fattori F., Pistoni C. (Dis)Obedience in U.S. American

Бовина И.Б., Сачкова М.Е.
Подчинение и неподчинение в понимании
студенческой молодежи: поисковое исследование
Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76—92.

Bovina I.B., Sachkova M.E.
Obedience and Disobedience in the Understanding of
Russian Students: An Exploratory Study
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 76—92.

Young Adults: A New Way to Describe Authority Relationships. *Europe's Journal of Psychology*, 2018. Vol. 14, pp.404—423.DOI:10.5964/ejop.v14i2.1314

27. Rochat F., Modigliani A. The Ordinary Quality of Resistance: From Milgram's Laboratory to the Village of Le Chambon. *Journal of Social Issues*, 1995.Vol.51, pp.195-210.

28. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, 1992. T. XLV (405), pp. 203—209.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Получена 08.06.2020

Received 08.06.2020

Принята в печать 16.11.2020

Accepted 16.11.2020